

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК В ТРУДАХ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор эксплицирует изоморфность российского политического и гендерного порядка в политической философии П.А. Вяземского, раскрывает андроцентризм и патриархатность как основы идеальной модели функционирования отечественной публичной и частной сфер. Демонстрируется негативное отношение мыслителя к постановке «женского вопроса» в России в пореформенный период.

Ключевые слова: политика, гендер, андроцентризм, патриархальность, либерализм, консерватизм.

Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878), представитель смоленской ветви князей Рюриковичей, потомок по прямой линии Владимира Мономаха, известен как крупнейший представитель русской литературы и общественно-политической мысли первой половины XIX столетия, писатель-патриот, арзамасец, корреспондент и пропагандист творчества Пушкина [21, с. 277; 2, с. 5; 22, с. 201; 15, с. 36; 6, с. 719–720]. Если литературными кумирами молодого Вяземского являлись В.А. Жуковский и В.Л. Пушкин, то его общественно-политические взгляды формировались под непосредственным влиянием Н.М. Карамзина, который после смерти родителей стал наставником и покровителем Петра Андреевича.

В своём творчестве Вяземский рассматривал проблемы социально-политического развития России. За долгий и сложный жизненный путь, который начался в 1810-е и закончился в 1870-е гг., он пережил несколько крутых «сломов» [17, с. 7; 25, с. 7], что отразилось в эволюции его общественно-политических взглядов. По мнению В. Нечаевой, князь пережил три поколения культуры и в конце жизни ощутил несочувствие с эпохой, в которую ему пришлось жить, осознал своё одиночество и отдаленность от общества [25, с. 9]. П.В. Акульшин называет политическое кредо князя консервативным реформизмом: продолжая традиции просвещенного абсолютизма XVIII в., Пётр Андреевич пытался увязать реформы государственного строя и отмену крепостного права с сохранением внутренней стабильности и статуса России как великой европейской державы и отстаивал принцип нерушимости монархической власти и привилегированного положения дворянства [2, с. 35–36].

Большинство исследователей высказывают мнение, что в 1810–1820-х гг. у Вяземского была широкая репутация вольнодумца [22,

с. 211]. По мнению Л.Я. Гинбург, такая позиция молодого аристократа была порождена осознанием зависимости дворян от абсолютизма, которое питало вражду аристократии к оплоту полицейского государства [16, с. 5]. Она полагает, что в князе сочетались традиции русского вольтерьянства, религиозного вольнодумства, просветительской философии с патриотическим воодушевлением периода наполеоновских войн [там же, с. 9]. В «Записке о князе Вяземском, им самим составленной», более известной под названием «Моя исповедь» (далее – «Исповедь»), Вяземский писал: «До 1817 года был я не замечен правительством. Тёмная служба, пребывание в Москве хранили меня в неизвестности. В то время не было еще хода на слово "либерал", и потому мои тогдашние шутки, эпиграммы пропадали так же невинно, как и невинно были распускаемы» [7, с. 112].

Занятие литературой Вяземский считал важной социально-политической функцией. «Лучшее средство для достижения пользы – действовать на общее мнение, исправлять его, образовывать язык, приохотить к нему женщин и, наконец, дать состоянию писателей законное существование» – писал Вяземский в произведении «Мой сон о русском журнале» [там же, с. 13]. Через журнальные публикации писатель-дворянин мог давать советы царю, что, по мнению Л. Гинсбург, и являлось идеалом молодого князя [16, с. 31].

С 1817 г. Вяземский поступил на государственную службу и с большим воодушевлением участвовал в переводе проекта конституции для Польши и в составлении записки «Об освобождении крестьян» [20, с. 99–100]. Его вольнодумские настроения отразились в ряде стихотворений, среди которых сам Вяземский и исследователи его творчества выделили «Петербург» и «Негодование» [25, с. 25]. Либерализм поэта проявился также в критике политики Александра I: в письмах к друзьям из Варшавы Вяземский писал о кошмаре крепостничества, о невыносимости политического бесправия, о гнусности придворного лакейства [15, с. 13]. Молодой Вяземский называл представителей власти, судей, членов правительства «наемной сволочью», «образованной и упитанной гнилью», «уродливым наростом на теле России» [7, с. 405] и высказывался в пользу конституционализма и представительных органов: «Созовите конгресс не царский, а народный: изведайте на нем положение умов, дослушайте требования общие и определите правила, по коим должны поступать правительства и коим должны покориться народы» [там же, с. 383, 390–391].

Анализируя творчество Вяземского, Л.Я. Гинсбург рассматривает 1819-1821 гг. как наиболее оппозиционный период его жизнедеятельности, называя князя «народным трибуном» [16, с. 31]. П.В. Акульшин высказывает мнение, что не следует преувеличивать радикальность взглядов Вяземского, так как под конституцией он понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочивание

отдельных элементов государственного управления [2, с. 14–15]. Н. Кутанов также полагает, что конституционализм Вяземского всегда был убеждением участника и сторонника определённой правительственной системы, а не воинствующим кредо представителя определённого политического воззрения, организующего своих последователей в борющуюся политическую партию [22, с. 237]. С позиций классового подхода объяснял социально-политическую позицию князя С.С. Ланда: «Вяземский видел в конституционной монархии универсальное средство разрешения всех социальных и политических проблем, орган классового мира, освобождения государства от угрозы революционных потрясений» [23, с. 212].

Последующая реакционная политика Александра I по-новому поставила знаки в российском политическом спектре: сохранив свои убеждения, Вяземский оказался в опале, остался без государственной службы и был взят под полицейский надзор. «С Тропавского конгресса решительно начинается новая эра в уме Императора Александра и в политике Европы. Он отрекся от прежних своих мыслей... Я остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, а опального... В таком положении все слова мои... бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием: эта несообразность, несозвучность частная была большинством голосов выдаема за мятежничество», – писал Вяземский [7, с. 117].

В этот период он сблизился в духовно-идеологическом плане с декабристами. Ю.М. Лотман считает, что «Вяземский тянулся к молодым радикальным общественно-политическим деятелям, а они, в свою очередь, активно привлекали Вяземского к сотрудничеству» [24, с. 126–127]. Другие исследователи приходят к аналогичному выводу: Вяземский был близок к установкам декабристов, но осуждал оппозицию как бесплодное и пустое ремесло, тяготел только к легальным формам борьбы, а потому отказался от участия в формальной организации [18, с. 18]. Н. Кутанов отмечает, что молодой князь полагал революцию не дворянским делом, а задачей низших классов, и потому назвал Вяземского «декабристом без декабря», без революции [22, с. 285–289], отмечая во взглядах Вяземского 1820-х гг. противоречие: резкости антиправительственных высказываний Вяземского не отвечала умеренность его политических идей [там же, с. 235]. В. Нечаева также отмечает сочетание в позиции князя острой критики правительства и желание модернизировать политический строй России: «Вяземский имел архаичные, почти феодальные воззрения на русскую действительность и оказался певцом декабризма» [25, с. 24].

Несмотря на то, что Вяземский осудил восстание декабристов, он тяжело переживал казнь и ссылку его участников. По мнению исследователей, это событие усилило оппозиционное настроение Вяземского и он ещё более «ожесточился против правительства» [14, с. 141; 21, с. 283].

В середине 1820-х гг. Вяземский свои вольнодумские идеи выражал в журнале «Московский телеграф» Н.А. Полевого и в своих «Записных книжках». Он разрабатывал тему «свободы», ссылаясь на опыт Западной Европы: «В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член одного общества, я связан» [7, с. 394]. Как болеющий за родину патриот, на собственный вопрос «Что есть любовь к отечеству в нашем быту?» Вяземский отвечает: «Ненависть настоящего положения. В этой любви патриот может сказать с Жуковским: "В любви я знал одни мученья". Какая же тут любовь, спросят, когда не за что любить?» [там же, с. 396].

Однако после конфиденциального назидательно-увещательного письма, написанного по указанию Бенкендорфа с обвинениями в антиправительственном направлении творчества Вяземского вкупе с финансовыми проблемами Вяземский пошёл на перемирие с властью. Император определил Вяземского на службу в Департамент финансов. Скучную, некреативную работу, которая тяготила Вяземского, он пытался компенсировать творчеством. К началу 1830-х гг. Вяземский порвал с Н.А. Полевым и стал сотрудником «Литературной газеты» А.А. Дельвига и позднее «Современника» А.С. Пушкина. Исследователи творчества Вяземского отмечают, что «политические инвективы князя не слабеют – они только хоронятся в записных книжках, в письмах к друзьям», и его отношение к Николаю I остаётся «неизменно отрицательным» [14, с. 296; 22, с. 283]. «Никто не сможет отрицать, что вопрос о рабстве является у нас наиболее важным вопросом, – писал Вяземский. – При рабстве... можно допустить право помещика взыскивать с крепостных своих подати деньгами или натурою... Но обеспечить законною властью и сумасбродные прихоти помещика, который хочет, чтобы его рабы плясали, пели, ломали комедь без дарования, без охоты, есть уродство гражданское, и оно должно быть прекращаемо начальством, предводителями, как злоупотребление власти» [7, с. 398, 416]. Основные проблемы социально-политического развития России, по мнению Вяземского, заключаются в отсутствии связи народа с властью. «Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон в ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов...», – писал мыслитель [там же, с. 415]. Поэтому он считал российское правительство революционной силой, а нацию – консервативной силой, которая выправляет произведенные правительством плохие мероприятия и беспорядки без протеста, не признавая их. Отсюда Вяземский выводил и этимологию слова «самодержавие»: «Все само собою держится: при действии одних людей все рушилось бы давным давно» [там же, с. 417].

Поэтому Вяземский хвалил императрицу Екатерину II за то, что «она искренно и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бессильны. Ее престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддержать, должен был быть непоколебим и независим... Она умела спрашивать и слушать...» [там же, с. 385]. Вяземский разделял позитивную оценку царствования Екатерины II Н.М. Карамзиным [8]. Он приветствовал политику императрицы в области женского образования: «Царствование Екатерины должно было иметь и вполне имело влияние на умственное образование русской женщины» [11]. Вяземский придавал политике гендерное измерение: «Как мы пали духом со времен Екатерины, то есть со времени Павла. Какая-то жизнь мужественная дышит в этих людях царствования Екатерины, как благородны сношения их с императрицею; видно точно, что она почитала их членами государственного тела. И самое царедворство, ласкательство их имело что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское уничижение» [5]. В отличие от Н.М. Карамзина [19], Вяземский полагал, что любовные связи Екатерины не мешали ей быть великой государыней [4, с. 245]. В «Записных книжках» Вяземский упоминал примечательный факт: он вступил в переписку с леди Морган, которая отзывалась «с большим уважением о Екатерине и предпочитала ее Петру» [там же, с. 194]. Для книги писательницы «Женщина и её господин» князь подобрал выписки из «узаконений русских касательно женского пола» и «известия о наших женских знаменитостях» [там же, с. 194].

В 1840-е гг. начинается новый этап развития общественно-политической мысли, отмеченный дискуссиями западников и славянофилов. Исследователи считают, что конец 1840-х и последующие годы пришлось Вяземскому «не по плечу», так как он не сочувствовал новым движениям, а его «проблемы умирали»; печать с вопросами о материализме, женском равноправии, нигилизме, дарвинизме вызывала ядовитые отклики Вяземского [21, с. 274; 25, с. 36]. Тяжелые уроки жизни, смерти детей и друзей, политика Николая I привели его в мрачное старческое состояние и к отречению от либерализма [25, с. 43; 15, с. 33-36].

В этот период Вяземский пересмотрел свои взгляды на политику Александра I. Он оправдывал императора, который хотел быть преобразователем, но внешние обстоятельства (завоевательное и ненасытное властолюбие Наполеона, конгрессы) отвлекали «Государя от домашнего очага и домашнего хозяйства», – писал Вяземский [7, с. 355]. Из последней цитаты становится очевидным, что Вяземский рассматривал Россию как личное владение, а выполнение государственных обязанностей как семейных, что характерно для общества с нежестким разделением публичной и частной сфер. На мой взгляд, в этом же контексте аналогии политической и семейной власти следует рассматривать и идеи, высказанные Вяземским в одном из писем к жене: «Зачем ты мне

о Пушкине сплетничаешь по почте? Разве ты не знаешь, что у нас родительское и чадолюбивое правительство, которое за неимением государственных тайн занимается домашними тайнами любезнейших детей своих? Я уверен, что письма твои читают» [3, с. 187].

С годами примирение Вяземского с правительством становилось всё прочнее по выражению Л.Я. Гинсбург, он «укреплялся на охранительных позициях» [16, с. 45]. Александр II назначил Вяземского в 1855 г. товарищем министра просвещения, а через год поставил во главе цензурного комитета. В 1858 году князь вышел в отставку и с 1863 г. жил в Европе, получив высшие государственные чины члена Государственного совета и обер-шенка двора. Эволюция общественно-политических взглядов Вяземского в последующие десятилетия привела к ослаблению гражданской тематики в его произведениях: его творчество развивалось по двум линиям – отрицание и неприятие настоящего и идеализация дворянского прошлого.

В период возникновения «женского вопроса» в 1850-е гг. Вяземский принял участие в «повсеместном споре об уравнивании прав и деятельности между прекрасным полом и полом некрасивым» [12]. В молодые годы Вяземский высказывал традиционные патриархатные взгляды на природу женщин: «В женщинах мы видим торжество силы слабостей. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают» [5]. В зрелые годы Вяземский не изменил своих представлений о женщинах и назвал «женский вопрос» диалектической гимнастикой: «Нужно было бы положительно и откровенно выяснить, на какие мужские должности могут и право имеют поступать женщины. На все ли, так чтобы полное равноправие установилось между полами? В таком случае женщины должны равномерно подходить и под всеобщую и поголовную воинскую повинность» [там же]. Он предлагает мужчинам в качестве исключения «с вежливой уступчивостью поделиться с женщинами некоторыми своими присвоенными себе профессиями и занятиями, другие даже им вовсе уступить» [10, с. 374]. По мнению Вяземского, неодолимых преград общество перед женщинами не воздвигало; не было общественного давления, которое заглушало бы природные призвания и дарования, «когда теплились в них луч и зародыш дарования» и «всегда и везде бывали женщины-ученые, бывали женщины великие писатели, превосходные художники» [5]. В частности, он высоко оценивал литературные таланты м-м де Сталь, м-м де Жанлис [7, с. 139; 9]. В то же время в письме к поэтессе А.И. Готовцевой он советовал женщинам писать «о том, что у вас в глазах, на уме и на сердце» [13, с. 130]. «Не пишите стихов на общие задачи... Пускай написанное вами будет разрешением собственных, сокровенных задач. Тогда стихи ваши будут иметь жизнь, образ, теплоту, свежесть. В женских исповедях есть особенная прелесть», – считал Вяземский [там же].

«Я всегда признавал преимущество женщин над нами, и, право, не из одной любви к ним, а из любви бескорыстной и в истине. Я довольно ездил по России, жила в губернских и в уездных городах и везде находил, без всякого лицепрития, что сумма, какова бы она ни была, мыслей, утонченных чувств, образованности и сведений перетянет всегда к стороне женской», – писал Вяземский [11].

Однако образование женщин не меняло сути патриархатного гендерного порядка, и князь, как носитель патриархатных установок, приветствовал только частную жизнь женщин: «Но все же настоящее, природою указанное, святое место женщины есть дом, есть семейный очаг, будь она мать, дочь или сестра. Внешняя, шумная, боевая, деловая жизнь, многосложная деятельность, можно сказать, несовместна с призванием женщины, даже недостойна ее; в скромном и светлом призвании она выше, независимее, свободнее, нежели будет она на искусственных и завоеванных ею подмостках» [там же]. Автор считал, что нельзя «установить совершенное равноправие между прекрасным и вообще некрасивым полом» [там же]. «Все же, в том или другом соображении, один из полов может оказаться обиженным против другого. Например, за женщиною останется одно право, которое нельзя перенести и на мужчину, а именно право рожать», – полагал автор [там же].

Патриархатное мировоззрение Вяземского наиболее полно можно проследить в произведениях, посвященных, по выражению М.И. Гиллельсона, «идеализированному прошлому», отвергающих современность [15, с. 15]. В таких работах, как «Старое поколение», «Фонвизин», «Московское семейство старого быта», «Князь Андрей Борисович Вяземский», «Князь Пётр Борисович Козловский» и других, автор стремился воссоздать атмосферу XVIII в. По мнению Л.В. Дерюгиной, Вяземский в старости берёт на себя роль путеводителя по России ушедшей, описывая в своих статьях главные черты ее топографии, человеческие типы и обычаи [17, с. 41].

В произведении «Московское семейство старого быта» автор отстаивал ценности патриархальной семьи, полагая, что данный социальный институт является ячейкой общества. «Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейного авторитета и дома не приучаться уважать его, едва ли будем мы позднее способны признавать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему. Если мы из родительского дома выносим начало розни, то неминуемо внесем ту же рознь и в общество. Тогда уже общества собственно нет, а будут отдельные общества, расколы, которые каждый создает по образу и подобию своему» [10, с. 374]. Вяземский констатировал кризис современной ему семьи, в котором таится «зародыш некоторого таящегося общественного разложения» [там же]. Для демонстрации патриархальных установок Вяземский выбрал московское семейство, противопоставляя старую Россию в лице «тогдашней патри-

архальной Москвы, богатой многосемейным и особенно многодевичьим составом», и новую в лице Петербурга. Если Л.В. Дерюгина видит в описании московского семейства старого быта искреннюю тревогу автора за судьбу общества [17, с. 42], то я вижу отстаиваемый им гендерный порядок, который с полной уверенностью можно назвать патриархатным и который Вяземский предлагает как идеал для конструирования российской политики.

Прежде всего князь стремится показать бесконфликтный «благодушный, светлый» мир большой патриархальной семьи, которой руководил «родоначальник многоколенного потомства Оболенских» князь Петр Александрович Оболенский [10, с. 363, 365]. В первой фразе произведения автор подчеркнул, что в современном общественном мнении князь Оболенский слыл оригиналом: «То есть таковым был бы он преимущественно ныне, а в прежнее время, в эпоху особенных личностей и физиономий более определенных, оригинальность его не удивляла и не колола глаза» [там же, с. 363]. Для Вяземского принципиально отметить, что князь не подстраивался под требования времени, не менял своих привычек, «уклонялся от общества», был «безвыходным домоседом», а «дома занимался он чтением русских книг и токарным мастерством» [там же].

Секрет счастливой семейной жизни автор видел в жене князя – Екатерине Андреевне Вяземской, которой он посвятил основную часть работы. «О подобной женщине молчать не стоит», – считал он [там же, с. 375]. Начиная с описания внешних, эстетических качеств, он стремился подчеркнуть в княгине особую женскую породу: «Несмотря на совершение своих двадцати женских подвигов, княгиня была и в старости, и до конца своего бодра и крепка, роста высокого, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна» [там же, с. 364]. Переходя к интеллектуальным характеристикам княгини, Вяземский демонстрировал незначимость образования женщин для выполнения семейных ролей, отсутствие связи образования с моральными ценностями женской личности: «Безо всякого пригласительного образования, была она ума ясного, положительного и твердого» [там же]. Принципиально важным для понимания сложившегося в семье гендерного порядка является анализ распределения ролей и власти между её членами: «В семействе и в хозяйстве княгиня была *князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество* (курсив мой. – Н.К.). Оно сложилось само собою к общей выгоде, к общему удовольствию, с естественного и невыраженного соглашения. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью» [там же]. В приведённой цитате автор приветствовал самостоятельность женщины-матери в принятии семейных решений, наличие у неё неформальной власти и значительных полномочий, подчинение ей всех домочадцев при отсутствии претензий на формальную власть в семье. Разрастание

семьи происходило в результате заключения детьми Оболенских браков, что потенциально содержало угрозу единству ячейке общества, когда «пришлые, чуждые приращения скоро и незаметно сливались, спаивались, сцеплялись, срастались вместе в благоустроенном организме, первоначальном и цельном... В этой семье не могло быть разногосицы» [10, с. 366, 368].

Процесс ассимиляции, как называл его Вяземский, был бы желателен и для политической жизни: «Политике можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто бессознательно совершавшееся перерождение отдельных частных и личностей, всецело, сердцем и обычаями, примыкавших к господствующему единству» [там же]. В политическом смысле можно интерпретировать и способность большой патриархальной семьи решать проблему «раб и господин». Автор рассматривал слуг большой семьи как её членов: «Наши отцы держали в доме своем, кормили и одевали старых слуг, которые служили отцам их, и вместе с тем призревали и воспитывали детей этой прислуги. Вот корень и начало этой толпы более домочадцев, чем челядинцев» [там же]. «Таким образом, это семейство, это колено Оболенских, составило опять или, вернее сказать, осталось в Москве *неразрозненным, нераздробленным племенем, а живую, самобытную и крепко-сплоченною единицею* (курсив мой. – Н.К.)», – высказывал своё мнение автор [там же, с. 370].

По мнению Вяземского, внутреннюю силу этого отдельного мира по-прежнему составляла мать: «Такова была привлекательная и нежно-любивая сила семейная, которая образовалась и окрепла под сенью и благословением умной, твердой и чадолюбивой матери... И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало в одном чувстве, чувстве семейной связки; в одном имени, в одной власти: имени и власти матери. Река принимает в себя, сосредоточивает в своем лоне влекущиеся к ней ручьи просто, естественно, потому что она река. Мать, общим притягательным притоком, сосредоточивает в себе семью просто потому, что она мать. Нет власти естественнее, святее власти материнской» [там же]. Альтернативы патриархальной семье Вяземский не видел: «Если признавать семью, то надобно же кому-то оставаться дома; а когда жена, подобно мужу, будет обязана отправляться на службу, на работу, к должности, то кто же останется представителем и ответственным лицом семейного дома, семейного начала?» [там же, с. 374].

Таким образом, семья, по мнению Вяземского, являлась не только местом обитания женщины-матери, но и её работой, сферой её ответственности. Неформальный матриархатный гендерный порядок в семье был замаскирован надстроенным над ним патриархатным порядком, в котором поддерживалось строгое разделение отцовских и материнских ролей при их относительном равновесии.

К аналогичным выводам приходит и историк К. Келли, которая полагает, что в России XIX в. произошла «довольно-таки бессистемная эволюция семейных отношений», сосуществовали представления о подчинённом положении жены и её самостоятельности [1, с. 81].

Итак, гендерный и политический порядки в произведениях Вяземского являются изоμοфными друг другу и базируются на одних и тех же принципах патриархальности, патриархатности и андроцентризма.

Обращённость «умом и сердцем» в прошлое [18, с. 26], тяготение к эпохе Екатерины II и людям этого поколения [25, с. 17], с одной стороны, и скептицизм старой вольтерьянской закваски [18, с. 27], либерализм «дней Александровых прекрасного начала» [22, с. 284], с другой, привели Вяземского к пониманию необходимости в России установления «мягкого» режима ограниченной монархии. Наиболее предпочтительным вариантом ограниченного самодержавия Вяземский считал правление императрицы Екатерины II, достоинствами которого являлись опора власти на народ, реализация на практике проекта Просвещения, в том числе и женского, воплощённый в придворном этикете рыцарский дух, неформальные механизмы принятия решений. Незыблемость самодержавия предполагала опору на патриархальную семью, построенную на авторитете власти отца. Если власть государя ограничивалась такими противовесами, как мораль, узко понимаемые князем конституция и представительные институты, общественное мнение, то власть отца была ограничена самостоятельностью и широкими полномочиями в организации семейного быта матери. Сосуществование в семье двух гендерных порядков, надстроенность патриархатного режима над матриархатным в системе соподчинённости не предполагали взаимозаменяемость семейных ролей и обеспечивали целостность и единство семьи, которые Вяземский рассматривал как идеальные принципы политической системы. В итоге как семейная, так и политическая организация не предполагали равенства прав их участников. Как сторонник идеологии Просвещения, он разделял идеи распространения образования и среди женщин, но высказывался против женской эмансипации. Равенство женщин и мужчин представлялось ему на практике нереализуемым, противоречащим законам природы, угрожающим существованию семьи и разрушению авторитета власти. Вяземский в форме насмешек всячески дискредитировал постановку «женского вопроса» в России, доказывая его несостоятельность слишком обширной сферой ответственности женщин. Таким образом, предложенные Вяземским нововведения в гендерный и политический порядки незначительно модернизировали бы сложившуюся в России патриархальную систему общественных отношений.

Список литературы

1. Kelly C. Refining Russia: Advice literature, polite culture and gender from Catherine to Yeltsin. Oxford. Oxford univ. press. 2001. ILIV. 438 p.
2. Акульшин П.В. Пётр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин М., 2010. С. 5–36.
3. Боровкова-Майкова М. Из писем П.А. Вяземского к жене от 1830 года // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, государства и общественной мысли XIX века / под ред. В. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского. М.;Л., 1934. Вып. 3–4. С.179–187.
4. Вяземский П. Записные книжки / сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д.П. Ивинского. М., 1992.
5. Вяземский П. Записные книжки. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml
6. Вяземский П.А. // Энцикл. словарь изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1892. Т.7/14. С.719–720.
7. Вяземский П.А. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин М., 2010.
8. Вяземский П. А. Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0350.shtml
9. Вяземский П.А. Записки графини Жанлис 1825 года. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1826_zapiski_grafini_zhanlis_old_orfo.shtml
10. Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.,1984. С. 363–375.
11. Вяземский П.А. Письма из Парижа (1826–1827). URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0609oldorfo.shtml
12. Вяземский П.А. Современные темы, или Канва для журнальных статей. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0910.shtml
13. Вяземский П. А. Отрывок из письма к А. И. Готовцевой // Вяземский П.А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи / сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. С.130–134.
14. Гиллельсон М.И. Вяземский П.А.: Жизнь и творчество. Л., 1969.
15. Гиллельсон М.И. Пётр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т.1. С. 5–36.
16. Гинсбург Л.Я. Вступительная статья // Вяземский П.А. Стихотворения / вступ. ст. Л.Я. Гинсбург; сост., подг. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л., 1986. С.5–51.
17. Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., С.7-42.

18. Ивинский Д.П. П.А. Вяземский и его записные книжки // Вяземский П. Записные книжки / сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д.П. Ивинского. М., 1992. С.5–30.
19. Козлова Н.Н. Матриархат как модель политического управления в трудах Н.М.Карамзина // Вест. Твер. гос. ун-та. Сер. «Экономика и управление». 2012. Вып. 14, № 12. С.100–109.
20. Кульман Н.К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Изв. ОРЯС. СПб., 1908. Т.13, кн 1. С.99–147.
21. Кульман Н.К. Князь Пётр Андреевич Вяземский как критик // Изв. ОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 1. С.273–335.
22. Кутанов Н. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Тр. моск. и ленинград. секций по изучению декабристов и их времени: в 2 т. М., 1932. Т.2. С.201–291.
23. Ланда С.С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. 381 с.
24. Лотман Ю. М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С.82–112.
25. Нечаева В.С. Вяземский – поэт // Вяземский П.А. Избранные стихотворения. М.;Л., 1935. С.7–47.

POLITICAL AND GENDER ORDER IN P.A. VYAZEMSKY WORKS

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The author makes explicit the isomorphism of Russian political and gender orders in P.A. Vyazemsky's political philosophy revealing the androcentrist and patriarchal character of his thought as the basis of an ideal model of functioning of the public and private spheres of the country. The negative attitude of this thinker to the "gender question" in Russia in the post-reform period is analyzed.

Keywords: *politics, gender, androcentrism, patriarchal order, liberalism, conservatism.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь, e-mail: n_s@pochta.ru

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver, e-mail: n_s@pochta.ru